

Глава 18 «Преклони колени»

— Что значит «понятно»?

— Что именно тебе понятно?

Я ведь ничего не сказал, но Се Янь уже осудил меня в своём сердце, не дав возможности объясниться. Каждый раз, когда я набирался смелости заговорить, его холодное, отстранённое поведение отталкивало меня.

Он словно закрылся в непроницаемую оболочку безразличия — перестал разговаривать со мной и не проявлял ни малейшего признака близости.

Я был совершенно сбит с толку.

Пробовал всё возможное, но ничего не помогало. Более того, Се Янь теперь отказывался пить приготовленный мной солёный чай с молоком и не позволял помогать ему растирать тушь.

Когда он смотрел на меня, то будто видел чужого — холодного, отстранённого, как изящно вырезанный из нефрита Будда.

Казалось, между нами вновь возникла прежняя стена напряжения, словно мы вернулись к самому началу.

Раньше я всегда мог уговорить Се Яня взять меня с собой на любой банкет.

Но на празднование дня рождения императрицы он не собирался брать меня.

Я не осмелился настаивать, поэтому, когда настал вечер, послушно вернулся домой и долго сидел один, не в силах притронуться к еде.

Банкет был грандиозным. Среди приглашённых оказался и мой отец.

Он хотел взять меня с собой, но я отказался — перед глазами всё ещё стоял ледяной взгляд Се Яня.

Теперь я безучастно глядел на стол, уставленный блюдами, и понимал, что не чувствую ни малейшего аппетита.

Мысли то и дело возвращались к вопросу, который задал мне Се Янь. Был ли он зол потому, что я не ответил сразу?

Но, обдумав его недавние перепады настроения, я понял — дело не только в этом.

И сам вопрос, и его отношение к Маленькому Белому казались мне странными и противоречивыми.

Он, казалось, не любил того мальчишку, даже испытывал к нему сопротивление, но в его

взгляде не было настоящего отвращения.

Наоборот — я часто замечал там тоску и самоненависть.

Может быть, Се Янь боялся, что, узнав его истинную сущность, я отвернусь?

Как я мог бы это сделать? Я слишком его любил, чтобы бросить.

К сожалению, сейчас он не хотел слушать никаких объяснений.

— Юный господин, господин передал весть: Его Величество внезапно пожелал оценить каллиграфию Линь Сичана. Он просит вас доставить её во дворец, — поспешно вошёл Сяо Мань, передавая сообщение от отца.

Мне не оставалось ничего другого, как взять каллиграфию — и своё тяжёлое сердце — и отправиться в паланкине к дворцовым воротам.

Я был взволнован.

Что если встречу Се Яня — проявит ли он недовольство?

Я решил просто проскользнуть внутрь, тихо передать каллиграфию отцу и уйти.

Се Янь наверняка будет слишком занят, чтобы заметить меня.

С этой мыслью я немного расслабился и приподнял занавеску, чтобы взглянуть на улицу.

Был вечер, и прохлада наконец сменила дневную жару.

Улицы сияли огнями; семьи сидели у входов в переулки, обмахиваясь веерами и неторопливо беседуя.

Дети с короткими косичками гонялись друг за другом, смеясь и визжа.

Тепло и простое счастье этой картины невольно тронуло меня.

— Ся падает, король коронуется...

— Рождены ли короли и вельможи, чтобы править?..

Когда паланкин удалился, до меня донеслись чистые детские голоса, напевавшие эти строки.

Я замер и велел носильщикам остановиться.

Поспешно вышел, но дети уже скрылись в переулке.

Их звонкие голоса прозвучали, как шёпот дьявола — по спине пробежал холодок.

— Юный господин, если мы не поспешим, премьер-министр будет ждать, — мягко напомнил слуга, стоявший рядом.

Я лишь кивнул, сжимая в руках каллиграфию, и вернулся в паланкин.

Что означали эти детские песенки?

Были ли они случайны — или кто-то распространял их намеренно?

Если случайно — я мог бы завтра велеть поговорить с родителями этих детей.

Но если нет...

От одной этой мысли я похолодел до костей и вспотел, несмотря на летнюю ночь.

Когда я прибыл во дворец, банкет, по всей видимости, уже был в разгаре.

Я решил пройти незаметно — через задний зал и каменные сады — к главной площадке.

Стоило мне выйти из-за каменной ограды, как я заметил двух молодых дворцовых служанок. Они шептались с выражением жалости и сочувствия.

— Ах, Его Высочество наследный принц так жалок... Банкет уже наполовину прошёл, а императрица всё ещё не появилась. Явно его игнорирует.

— Да, ведь он не её родной сын. Она никогда не любила его. Помню, однажды принц допустил ошибку — и императрица заставила его стоять на коленях у дворцовых ворот. Зимой! В одной тонкой одежде — всю ночь...

— Что поделаешь. Императрица могущественна, но не может иметь детей. Потому Его Высочеству и приходится стараться быть «хорошим сыном».

— Говорят, его настоящая мать, та иностранная певичка, погибла по приказу императрицы. Как же он может признавать врага своей матерью?

— Тише! Не болтай такое. Стены имеют уши...

Я сжал кулаки.

Се Янь, о котором они говорили, не был тем Се Янем, которого я знал.

Как они смеют клеветать на него?

Дрожь от гнева пробежала по телу — я уже хотел выйти и возразить, но служанки вдруг умолкли и опустили на колени.

Я спрятался за каменной кладкой. Фонари отбрасывали лишь слабый свет, и я остался в тени.

Вдруг вся шумная площадь затихла — словно цикады разом перестали петь.

Посреди зала медленно опустился инкрустированный золотом паланкин.

Главный евнух, с лицом белым как мел и губами, накрашенными алым, пронзительно объявил:

— Её Величество Императрица прибыла!

— Приветствуем Её Величество Императрицу!

— Приветствуем Её Величество Императрицу!

— Приветствуем Её Величество Императрицу!

Все преклонили колени.

Я не стал исключением — лишь укрылся за каменной горкой, осторожно подняв голову.

— Встаньте, — раздался из паланкина холодный, властный голос. Не женственный, но исполненный силы.

Когда все поднялись, я увидел Се Яня.

Он стоял прямо перед паланкином — в великолепных парчовых одеждах, с нефритовой короной на чёрных волосах. Его лицо, безупречное, как выточенное из нефрита, оставалось бесстрастным.

— Кронпринц снаружи? — лениво прозвучал голос императрицы. Казалось, она дразнит домашнего зверя.

— Ваш сын здесь, — спокойно ответил Се Янь и протянул руку. — Ваш сын поможет матери спуститься.

Я видел его лицо ясно.

Он был холоден, почти механичен, будто исполнял роль, но не вкладывал в неё чувств.

И всё же я знал — под этой маской бурлила боль.

Он скучал по своей настоящей матери... и теперь был вынужден называть другой женщиной «мать».

Моё сердце сжалось.

— Преклони колени, — резко приказала императрица. В её голосе звучала власть, не терпящая

возражений.

Все вокруг съёжились, не смея поднять глаза.

Се Янь не полностью опустился на колени — только согнул одно.

Его губы сжались в тонкую линию, ресницы дрогнули.

Костяшки пальцев побелели от напряжения.

Я понял — он в ярости.

Я думал, что это унижение — самое тяжёлое, что она могла причинить ему.

Но в следующий миг её нога, в туфле, вышитой золотыми нитями, спокойно опустилась на колено Се Яня, когда она спускалась с паланкина.

Я невольно ахнул — и встретился взглядом с ним.

Холодные серые глаза Се Яня отражали мой ужас.

В их глубине вспыхнул огонь — дикий, безумный, жгучий.

<http://bllate.org/book/15794/1412435>